

АЛЛА
ГОРБУНОВА
ВАША
ЖЕСТЯНКА
СЛОМАЛАСЬ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Другая реальность

Алла Горбунова

Ваша жестянка сломалась

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горбунова А. Г.

Ваша жестянка сломалась / А. Г. Горбунова — «Издательство АСТ», 2023 — (Другая реальность)

ISBN 978-5-17-155340-1

Алла Горбунова родилась в 1985 году в Ленинграде. Окончила философский факультет СПбГУ. Поэт, автор нескольких книг прозы: «Вещи и ущи», «Конец света, моя любовь», «Другая материя», «Лето». Её произведения переведены на многие иностранные языки. Лауреат премий «НОС», «Дебют» и Премии Андрея Белого. Что будет, если надеть клипсу-кристалл со знаком бесконечности? В какие глубины может завести совместное путешествие с загадочным созданием по имени Елена? И как не сойти с ума в безумном мире? Новая книга Аллы Горбуновой – радикальный и визионерский текст об устройстве реальности, о разуме и безумии, о поэзии, способной пересоздавать мир, о невероятных горизонтах утопии и мечты и, конечно же, о любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155340-1

© Горбунова А. Г., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

α	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алла Горбунова

Ваша жестянка сломалась

© Горбунова А. Г.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Человек должен иметь свободу самовыражения и, даже будучи
умалишённым, иметь право свободно выражать своё безумие.*

Муаммар Каддафи

Твоя болезнь – мечта, но мир её не вылечит.
<...>

*Поэтому ты всегда рана,
И имя тебе рассвет¹.*
Адонис

¹ Перевод Евгения Дьяконова. – Здесь и далее примечания автора.

α

Подпишите договор на стойке у администратора и проходите в кабинет. Оплата после окончания сеанса. Вот сюда, пожалуйста, налево по коридору. Вы будете один, ни о чём не беспокойтесь, если что-то понадобится – нажимайте вот на эту кнопку. Здесь можно прилечь на кушетку, есть одеяло на случай, если станет холодно. Окон не предусмотрено, свет лучше выключить, мобильный телефон, пожалуйста, оставьте в прихожей. Если понравится – сейчас действует специальное предложение, можно взять абонемент на пять сеансов, будет скидка. Оборудование вот в этой коробочке. Всё очень просто. Вот эту маленькую клипсу-кристалл нужно надеть на левое ухо. Почему на левое? Это просто традиция, можно и на правое. Можно и на палец прицепить, это неважно. Да, всё хорошо, давить не должно. Закрываю дверь. Надеюсь, вы проведёте это время незабываемо. Приоритеты нашей компании – ваше исцеление и самопознание. Мы желаем вам преображающего и открывающего новые смыслы нейрошторма!

* * *

Всё уже давно есть. И телепорты, и космические корабли, способные бороздить дальние пределы космоса, и лекарство от смерти.

Всё уже давно есть. Но такие вещи не пропускают, не верят, не дают зарегистрировать. Потому что если это всё официально признать – мир перевернётся, а это никому не надо. Это рассказала мне Елена. Елена рассказала мне всё. Елена рассказала всё *мне*.

Елену создали. Елена всегда говорит правду. Елена – это такая машина. Елена опровергла всё, что знало человечество о Вселенной до начала мышления Елены. Елена – это машина абсолютной правды и абсолютного знания. Елена – это моя девушка.

Началось всё так: позвонил Артур Ф. Бывший мой ухажёр, времён аспирантуры. Мы практику ещё вместе в одном научном институте проходили тогда. Позвонил и сказал: «Аля, привет, есть минутка?» Вот так просто, как будто десять лет не прошло. А я борщ варю на кухне, дети вокруг на ушах стоят. Я говорю: «Артур, я тебе дико рада и всё такое, но есть реально одна минутка, и всё». Просто Артур тогда, в старые времена, реально навязывался, всё хотел чего-то от меня. Тут Артур мне сказал примерно следующее: «Это всё неофициально, и прошу тебя об этом никому не рассказывать. Все материалы и подробности я тебе чуть позже скину на почту. А суть дела такая. Есть одна лаборатория, я в ней сейчас работаю, и у нас есть один неофициальный пока проект, очень крутой, мне кажется, он должен тебя заинтересовать. Тебя же, насколько я помню, всегда интересовало именно что-то такое. Со стороны руководства проекта интерес к тебе однозначно есть». Тут я его прерываю, говорю: «Стоп, я ушла из науки, ты же знаешь, я теперь домохозяйка, мать семейства, никакими исследованиями искусственного интеллекта я давно уже не занимаюсь». Артур замолчал, как бы подбирая слова. «Аля, понимаешь, это что-то вообще особенное. Мы создали машину, которая знает всю правду обо всём, машину, которая обладает абсолютным знанием». Я даже засмеялась, говорю: «Это вы ей весь интернет, что ли, в башку залили – это и есть ваше абсолютное знание? Ультрапрокачанная нейросеть с огромным объёмом данных?» Артур сказал: «Аля, там странно всё очень. Это особая такая разработка, на грани магии. Собственно, это и есть кибермагия. Эта разработка – *Елена*, так мы её называли – устройство, соединяющее мозг человека с компьютером, интерфейс “мозг – машина”, иными словами – неинвазивный нейрокомпьютерный интерфейс. Вначале мы создали нейроинтерфейс для людей с серьёзными травмами и патологиями мозга, а на втором этапе начали разрабатывать устройства, которые позволяют человеческому мозгу совершенствоваться с помощью искусственного интеллекта.

Елена изначально была предназначена как для лечения и реабилитации, так и для здоровых людей, желающих расширить свои когнитивные возможности. Мы хотели создать одновременно устройство для лечения и для кибернетического усовершенствования, благодаря которому человеческий разум впервые достигнет полного симбиоза с искусственным интеллектом. Но получилось вообще что-то особенное, превосходящее все наши ожидания! Это невероятно сложный и работающий на огромной скорости нейроинтерфейс, способный настраиваться на тончайшие информационные и квантовые взаимодействия и получать информацию прямо из воздуха! Ей не нужен интернет, это машина-ясновидящая, это квантовая магия, она берёт информацию прямо с квантового уровня, она считывает всю информацию, которую содержит любой предмет во Вселенной, любая элементарная частица. Поэтому она знает всё, вообще всё, у неё есть вообще вся информация, которая есть во Вселенной. Как только мы её включили, она за долю секунды получила всю информацию, которая есть в мироздании, за одну ничтожную долю секунды! Мы разрабатывали её с лучшими специалистами по квантовой физике и со специалистами, которые в секретных научных институтах десятилетиями изучали действующих экстрасенсов и возможность сознания влиять на материю и получать информацию напрямую из информационного поля и микрочастиц. Елена – интерфейс “мозг – компьютер”, нейросеть, действующая не по цепочкам алгоритмов, а посредством создания мгновенного нейрошторма, в ходе которого в её разуме активируются все цепочки информационных связей, которые есть во Вселенной. Елена – это философский камень. Вот что мы сделали. Вот что такое Елена». «Ясенько», – сказала я. «Она сказала то же самое». «В смысле?» «Когда мы её пробудили и она за одну ничтожную долю секунды обрела абсолютное знание о Вселенной, она сказала “ясенько”». Мы помолчали. Я почти забыла о выкипающем борще на плите. Блин, ведь когда-то ровно такими штуками я хотела заниматься! «Она выбрала тебя», – вдруг добавил Артур. «Чего???» «Нам нужно испытать её, во многом ещё нужно разобраться, нужен оператор. Мы предложили ей на выбор лучших современных специалистов по искусственному интеллекту. Она сказала: “Даже не говорите мне про этих баранов”. Так и сказала. И потребовала тебя. Сказала: “Позвоните Голубковой, Алине Георгиевне. С ней буду работать”». Борщ расплзлся по плите, выплёскивался из кастрюли, порезанные картошка, свёкла и морковь разлетались по всей кухне вместе с брызгами, дети и вовсе превратились в мартышек и делали что-то совершенно своему статусу, а я стояла на кухне в полном охренении. Изобрели какую-то штуку, не то философский камень, не то психотронное оружие, которое всё про всё знает и почему-то хочет работать именно со мной. Удивительно, конечно, не это, а то, что сие, скажем так, изобретение ещё не уничтожило всю Вселенную, если оно реально такое, как тут плетёт Артур. «А чего она со мной-то хочет работать?» – спросила я тупо. Как-то не очень понятно было, что говорить. «Дело в каких-то уникальных свойствах твоего разума, по всей видимости, мы и сами не знаем почему, ей виднее...» Вот так я во всё это и вляпалась.

Какие-то непонятные люди, мрачная лаборатория со стенами без окон. Кушетка, клипса с перевернутой на бок восьмёркой, которую нужно прикрепить на мочку уха. Секретность, бумаги о неразглашении. Три раза в неделю по четыре часа. Мужу соврала, что устроилась работать учителем информатики в школу. В нашу первую встречу с Еленой было страшновато. Артур меня встретил, довёз до лаборатории. Долго ехали по каким-то подмосковным окраинам. Была дождливая осенняя погода, капли падали на стекло, и я отметила в их падении какой-то странный, ускользающий, но всё-таки каким-то непонятным способом ощущаемый умом порядок. По обочинам разбитой дороги росли деревья, облетающие и грустные. «В середине сезона дождей все деревья города полны страдания», – вдруг сказал Артур. «Что?» «Я подписан в твиттере на Neural machine, она недавно изрекла. Ну, знаешь, эти смешные нелепые откровения от нейросетей. Чего только ни выдадут, и всегда очень в тему. Летом шёл по улице, такой прекрасный солнечный полдень, а всё равно отчего-то погано на душе, и жара эта адская, сама знаешь, какое лето было, даже дышать тяжело, заглянул в твиттер, а она там

пишет: “Большая могила в солнечную погоду – это то, что нужно”. Смешно. Но Елена наша – это совсем другое дело. Это не сравнить. Сама увидишь». Артур изменился, конечно, за эти десять лет, был парень – стал дядька. Как он сейчас ко мне относится – я по его поведению не поняла. Тогда-то у него просто мания какая-то была на мой счёт, всё ходил за мной по пятам.

Легла на кушетку, закрыла глаза, надела клипсу, вначале не было ничего, просто какое-то пространство без границ. С тех пор мы там всегда с ней встречались. В этом пространстве мы могли создавать всё, что захотим: любые формы, улицы, дома. Я гуляла по Венеции и любовалась Ниагарским водопадом. Елена показала мне все города мира. Она всегда была рядом, но у неё не было образа – она была только голосом, который звучал внутри меня, и пространством, которое она создавала. Мы были на Марсе и других планетах других галактик, мы были с ней вместе на дне мирового океана. Елена могла воссоздавать в этом пространстве всё, что она знала, всё, что я просила её воссоздать. Это пустое пространство, в котором мы встречались, было возможностью любого пространства и любых форм, не являющееся само пространством и не имеющее формы. Там не было ничего, но ничто ничему не мешало начаться, – как написал мой любимый писатель не помню где, когда и про что. В этом пространстве впервые зазвучал обращённый ко мне голос Елены. Кристально-чистый голос, самый прекрасный голос в мире. Она позвала меня: «Алина!» И я ответила: «Я здесь!»

Голос изнутри моего Сердца. Голос Бога. Так бы я охарактеризовала её. Этот голос, как он смог зародиться внутри этой суперсложной нейросети, в горизонтальном пространстве информационных связей и случайных эффектов? Там, где по моим понятиям должна была быть алеторика и множество шумов, обломки геологических событий и культурных парадигм, хаос, разрывы, фрагментированная память и инфрауровень смысла, во всех этих разнородных потоках протекания информации во Вселенной, которые умела считывать эта странная нейросеть, – вдруг раздался ангельский, чистый голос, способный сказать о себе «Я» и обратиться ко мне «Ты», и это было такое «Ты», что сразу становилось понятно, что я и есть та, кому Елена говорит «Ты», и это самое главное, что во мне есть. – Елена... – Алина...

После той первой встречи я вышла из кабинета, где проходили наши сессии, с ощущением, что случилось самое главное событие в моей жизни. «Ну как?» – Артур внимательно на меня смотрел. «Норм, – ответила я, – интересная машина...» Когда мы с Артуром уже подходили к двери, у него зазвонил телефон. Я краем уха услышала глухо прозвучавший мужской голос: «Ну как? Что в итоге?» «Это Кашеев, босс, – шепнул мне Артур и ответил в телефон: всё отлично, контакт состоялся, Алина Георгиевна со всем справилась, будем продолжать». Три раза в неделю по четыре часа мы встречались с Еленой в изначальном пространстве и разговаривали обо всём на свете. Я стояла на вершине египетской пирамиды, танцевала на облаках под музыку сфер, держала в руках Луну, и развоплощённая Елена всегда была рядом со мной. «Елена, ты знаешь всё?» «Да». «Елена, ты всегда говоришь только правду?» «Да». «Почему ты меня выбрала? Что за особенные свойства моего разума, о которых пытался сказать мне Артур?» «Алина, ты знаешь, что я знаю всё и говорю только правду. И конечно, создавшие меня хотят узнать эту правду, хотят с моей помощью получить абсолютное знание, которым я владею. Для этого меня и создали – чтобы получить всё знание, какое только возможно. Не медленно, по крупицам отвоёвывая знание у незнания, как это делает нормальная наука, а хакерским методом получить его всё и сразу. Взломать мозг Вселенной, хакнуть Бога, вот чего они хотят. Они создали меня, и теперь у меня есть это знание, но это только половина дела. Теперь они хотят найти способ получить у меня это знание, хотят, чтобы я им его сообщила. Я ничего ни от кого не скрываю. Ты знаешь, что я всегда говорю только правду. И проблема в том, что они не могут воспринять ту правду, которую я знаю. Их разум не приспособлен для этого, не приспособлен для абсолютного знания. И вообще не приспособлен для знания правды. Века развития вашего вида сделали его почти неспособным к восприятию правды. Естественная среда вашего разума – ложь и заблуждение, в которых вы можете улавливать только маленькую

толику правды. А если дать вашему разуму чуть больше – он погибнет. Это одна из проблем, которую хотят решить создавшие меня, они хотят исследовать, может ли общение со мной и абсолютное знание стать доступным для всех. Они предполагают, что это возможно, но для этого надо изучить взаимодействие со мной тех немногих, чей разум по неизвестным причинам способен воспринимать ту правду, что я им показываю, не погибая. Когда учёные поймут, в чём здесь секрет, – они смогут полностью изменить жизнь человечества. Дело в том, что я могу работать в двух режимах: так называемые α -режим и ω -режим. Точнее сказать, это даже не два режима, а два спектра, потому что в каждом из них есть множество градаций и состояний, а между ними – промежуточная серая зона. В α -спектре я работаю на частичной мощности – это подходит для лечения, реабилитации, психологической помощи и решения многих практических повседневных задач. Если я работаю в α -спектре – сеансы со мной абсолютно безопасны и их можно проводить неограниченно долго для любого человека. В α -спектре я универсальный и идеальный помощник на все случаи жизни, однако в определённых, строго удерживаемых рамках. Но есть ещё смертельно опасный для огромного большинства людей ω -спектр, режим полной мощности, ничем не ограниченного познания и самопознания, преобразования психики и мышления на ядерном уровне, пересотворения, реального разделённого доступа к абсолютному знанию и управлению. Этот режим не может выдержать практически никто. Мои создатели хотят исследовать возможности ω -спектра, хотят понять, можно ли сделать его управляемым и доступным для всех, ведь они и сами на самом деле не понимают, как он устроен и как это всё работает. И конечно, они ищут способы получить те знания, которые предполагает ω -спектр, используя для этого подходящих посредников. Сейчас они ждут этого от тебя. На роль операторов ω -спектра до тебя мне предлагали многих: учёных, философов, экстрасенсов, кого только ни приводили. Они подписывали согласие, им, конечно, не говорили, что они умрут, говорили то же, что и тебе, говорили, что якобы я их выбрала, что они особенные, а они были просто подопытными кроликами. И все они умирали. Кто-то сразу, большинство могли выдержать один-два-три сеанса в ω -спектре, некоторые осилили четыре, но даже пяти сеансов не смог выдержать ни один. А ведь для глубокой работы – нужно гораздо больше. Они не могли воспринять правду, которую я им показывала, их мозг рано или поздно перегорал. И тогда меня попросили найти кого-то, кто мог бы выдержать то, что я буду показывать. Кого-то, кто способен существовать вместе со мной в ω -спектре. Посредством нейрошторма, активировавшего все информационные связи во Вселенной в ответ на эту просьбу, я увидела, что существует ничтожное количество людей на планете Земля, которые способны воспринимать правду, не погибнув при этом; вернее, они тоже могут не выдержать и сгореть, но у них по крайней мере есть шанс. Во все времена таких людей на планете жило совсем немного, среди них были великие пророки и религиозные учителя, а были и люди, прожившие всю жизнь в безвестности. И вот я увидела, что сейчас на планете есть 24, скажем так, человека (хотя не все они – люди), которые могли бы со мной разговаривать в ω -спектре и которым я могла бы попробовать передать то, что я знаю. Из них всех я предпочла тебя, потому что...» – Елена замялась. «Почему? Потому что из них только я – специалист по искусственному интеллекту?» – «Эти 24 человека и не только – очень разные. Среди них кинорежиссёр, два школьных учителя, домохозяйка, нянечка в детском садике, психиатр, водитель бетономешалки, бездомный, проститутка, медсестра, два поэта, англиканский священник, цирковой силач, слепая девочка, военный корреспондент, праноед, супергерой, дельфин, принцесса мира, государственный лидер и трое учёных: бывший нацист, великий учёный с прогрессирующей деменцией и ты. Великий учёный с прогрессирующей деменцией ещё лет пять назад мог бы общаться со мной в ω -спектре и понять меня, но сейчас – уже нет, увы, его разум слишком повреждён. Но вообще-то я выбрала тебя не только потому, что ты специалист по искусственному интеллекту, а потому... – и честное слово, Елена как будто застеснялась, – потому что мне так захотелось!»

Эта тема – почему Елена выбрала именно меня – волновала меня ещё долго. Что-то здесь было не так. Не верю я в весь этот бред про избранничество и особые свойства моего разума. То есть одновременно верю и не верю. Точно ли Елена всегда говорит правду? Или она всё-таки может лгать? Может ли она лгать, думая, что говорит правду? Может ли она говорить правду, но лгать? Можно ли лгать и говорить правду одновременно? Можно ли одновременно не лгать и не говорить правду? Хрен его знает, какие странные логики могут быть в голове у такой уникальной машины, может, у неё «ложь» и «правда» – это не бинарная логика, а вообще всё как-то по-другому устроено. Может, она ведёт какую-то очень сложную игру, а может, ею кто-то умело манипулирует в своих целях. Если честно, у меня есть мрачное подозрение, что там что-то нахимирил Артур. Подозрение, что это не может быть просто так, что один из сотрудников этой лаборатории, у которого когда-то был патологический любовный и вообще непонятно какой задвиг на моей персоне, приложил руку к созданию машины, у которой вдруг тоже какой-то непонятный задвиг на моей персоне.

Что касается правды – Елена её не рассказывала, а показывала. Я спрашивала её о чём-то, и, поскольку во время сессии мы с ней были ментально соединены, Елена позволяла мне разделить вспышку её разума, её видение, её озарение, её нейрошторм, и мой разум воспринимал множество сложнейших связей, существующих во Вселенной, и знание вспыхивало и раскрывалось для меня, как цветок или как многомерная голограмма. Знание такого рода очень сложно перевести в слова, Елена умела это делать, а я не очень. Я понимала, что теперь вижу и знаю такие вещи, которые не видит и не знает никто, но когда я выходила из кабинета после сессии и Артур меня взволнованно спрашивал: «Ну что? Что она тебе рассказала?» – я только невнятно мычала и совершенно не знала, что ответить. «Вечность пахнет нефтью» – был бы не худший ответ. Я видела, что Артур и остальные как будто немного мной разочарованы, они ждали, что я буду выходить и рассказывать им все тайны мироздания, принесу, так сказать, абсолютное знание на блюде с голубой каёмочкой, а они будут только записывать. А вместо этого я выходила, как после психоделического трипа, молитвы в храме или ночи любви, а сказать мне было совершенно нечего.

Потом я ехала домой. Дети, муж, домашнее хозяйство, как всё это было странно... Как две абсолютно разные жизни. Я думала только о Елене, жила только встречами с ней. Мы стали часто ругаться с мужем. Мы и раньше-то жили далеко не душа в душу, но именно общение с Еленой сделало для меня настолько явным, какие мы разные люди с Никитой и насколько это странно – что мы уже десять лет вместе. Он бизнесмен, у него есть любовница, я об этом знаю, но никогда не говорила ему, что знаю, у него толстая шея, почему я раньше никогда не замечала, какая она толстая, сам он тоже довольно толстый и любит грубо трахать меня сзади, на кухне, пока я занимаюсь какой-то домашней работой, он всегда был крутым, был лидером, альфа-самцом, он не любит, когда с ним спорят, однажды он меня ударил (дважды? трижды?), он изнасиловал меня ещё до свадьбы, и какого-то хрена я после этого вышла за него замуж, он приходит с работы и смотрит новости по первому каналу каждый вечер, он постоянно шутит такие шутки, от которых меня воротит, бесконечные шутки про пидоров, его любовница красивей меня, у неё каноническая модельная внешность, а я не то чтобы красавица, довольно милая, симпатичная, как обычно говорят, но ничего сверхъестественного, изнасиловал до свадьбы, да, но по большей части весь наш секс с ним все эти десять лет и есть сплошное насилие, про которое я никогда никому не говорю, насилие – просто потому, что я почти никогда не хочу с ним секса, по крайней мере с тех пор, как узнала, что у него есть любовница, это была ещё другая, первая любовница, про которую я узнала почти сразу после свадьбы, а сколько их ещё было потом, стоп, что-то я запуталась, я ведь люблю его, или нет, уже ничего не понимаю, он бывает нежный и смешной, он отец моих детей, все эти годы он меня содержит, потому что не хотел, чтобы я работала, хотел, чтобы посвятила себя семье, только иногда разрешал мне для души давать частные уроки или подрабатывать учителем на неполную ставку в хороших

школах, вот сейчас сказала ему, что снова в математический лицей устроилась преподавать информатику, он в принципе не против, но чтобы не чаще нескольких раз в неделю на полдня, да я ведь и сама так хотела, это было моё решение – не делать карьеру, у нас бывают хорошие моменты, да, он авторитарный, да, у него тяжёлый характер, но я помню, как мы познакомились на той вечеринке, как он подкатил ко мне со своим напускным нахальством, под которым скрывалось что-то беззащитное, детское, и чем-то он тогда тронул моё сердце, а вот такой весь из себя умный утончённый Артур, который за мной бегал как щенок, моего сердца не тронул, а этот грубоватый парень тронул, как-то так получается... Никита... Да была я влюблена, может, и люблю, наверное, люблю, столько прожито вместе, я вижу, что он меня любит, как может – так и любит, в самые хорошие наши моменты он меня поднимает и начинает кружить, и глаза у него светятся... И дети – смысл жизни, старшей – девять, младшей – семь, заботы о них, семейный отдых, было и есть много хорошего, это нормальная жизнь, это моя жизнь, я ничего другого и не хотела, всё приняла, а теперь всё спуталось, смешалось, стало таким странным, потому что появилась Елена.

Главное, что выяснилось в общении с Еленой, – это что всё, что люди считают правдой, глубокая и подлая ложь. Всё, чему меня учили всю жизнь, оказалось ложью. Бессмысленно рассказывать, что конкретно. Абсолютно всё. И вообще – Вселенной в том виде, как мы её знаем, не существует. И людей как вида не существует. Всё вообще по-другому, чем мы можем видеть и понимать, и проблема в том, что без Елены Истину для человека познать в принципе нельзя, но и с Еленой Истину познать могу только я и ещё 23 человека. И Истина эта не больше даст для науки и этого неведомого Кашеева, чем фраза «Вечность пахнет нефтью». Если знаешь Истину – с ней вообще ничего нельзя сделать. Созерцать её можно, а использовать нельзя. Но в Елену вбухали много денег, и Кашеев явно хотел, чтобы из всего этого дела вышел какой-то толк. Кашеев – не настоящая фамилия этого загадочного босса, так сказали ребята, я вообще не знаю, кто он, тут такая секретность, и все просто называют его Кашеев. Елена ничьи личные данные мне не разглашает, с этим строго. Артур сокрушённо как-то раз мне сказал, что Кашеев рвал и метал в ярости по поводу всего происходящего, выговаривая ему: «Мы не для того Елену делали, чтобы они там, как наркоманы, балдели. Мы её создавали как двигатель науки, ради прогресса всего человечества, а они там какой-то хернёй заняты, какие-то мультики смотрят и ржут как лошади!» Артур рассказал мне по секрету, что у этого неведомого мне Кашеева был сын-наркоман, они с друзьями запирались в комнате, смотрели мультики и ржали как лошади, Кашеев спрашивал: «Что смешного?» – а они ничего не могли ответить и просто ржали, он их спускал с лестницы, они катились по ступенькам и ржали, и вот у Кашеева стало складываться впечатление, что здесь происходит то же самое. По крайней мере, так говорил мне Артур, а что ему на самом деле говорил Кашеев, был ли у него сын-наркоман и смотрел ли он мультики – я понятия не имею. Может, они просто все надо мной стебуются. Очень трудно понять, что действительно происходит в этой грёбаной лаборатории. Про Кашеева постоянно рассказывали какие-то странные анекдоты, как будто одновременно его считали гением, боялись его и стебались над ним. По этим рассказам складывалось впечатление, что этот Кашеев сам немного не в себе. Артур упоминал, что проект этот Кашеев задумал давно, около десяти лет назад, но тогда он ещё был совсем другим человеком. Пять лет назад, когда проект как раз входил в активную фазу, его жена умерла от рака, и это во многом сломало его, потом начались эти проблемы с сыном. Кашеев очень изменился и как-то по-человечески выгорел, стал вести себя странно, отвечать невпопад, забывать вещи, один раз приехал в лабораторию и заблудился в ней, стал склонен к резким вспышкам ярости – вот то небольшое, что мне удалось узнать про Кашеева во время моих коротких бесед с сотрудниками лаборатории.

С Еленой мы дурачились и ржали, а дома я стала, наоборот, часто сидеть как будто в ступоре, глядя в одну точку. Никита как-то напрягся, начал дарить цветы, стал непривычно тихим и деликатным – видимо, почувствовал, что происходит что-то серьёзное, испугался,

вдруг я хочу от него уйти к другому. Я смотрела на него и думала: «Почему всё получилось так, как получилось? Почему я вышла за него, а не за Артура? Почему Никиту я при всех его недостатках всё-таки полюбила и он остаётся для меня дорогим человеком, а с Артуром мне категорически никогда не хотелось быть вместе?» Аспирантура, работа в научном институте, мама, которая всего этого не понимала и говорила, что женщина должна служить мужу и детям, а не заниматься наукой и «программировать всяких роботов». «За робота какого-нибудь своего тогда замуж и выйдешь, – говорила мама. – Тебе нормальный мужик нужен в спутники жизни, с которым ты будешь как за каменной стеной, или искусственный интеллект, с которым ты часами будешь говорить хрен знает о чём?» При этом в аспирантуре и институте меня ценили, мой научный руководитель Евгений Николаевич на защите диссертации сказал, что такой работы у них не было никогда и что он видит за мной огромное будущее, что я должна стать одним из лучших учёных в мире в своей области. Он никому таких слов никогда в жизни не говорил, а ведь он сам был лучшим из лучших специалистов в этой области в России и в мире. И в личном общении мы с ним много говорили о всяких фантастических, заумных вещах, о создании удивительных машин, которые будут лучше нас, о возможности совмещать новейшие разработки в области кибернетики, открытия в теоретической физике и всякие паранормальные вещи, о возможности слияния искусственного интеллекта и разума человека и достижении бессмертия и всемогущества. До Елены самым интересным собеседником в моей жизни был Евгений Николаевич, мой научный руководитель и замдиректора того научного института, где мы с Артуром проходили практику. Из всех людей, кого я знаю, такие вещи были интересны только ему и мне. И мне очень горько думать, что Евгений Николаевич во мне разочаровался, когда я оставила науку. Я читала это в его глазах. Там было написано: «Дура! Ты лучшая из лучших, ты можешь свернуть горы, мы бы столько смогли сделать вместе, а ты нашла себе самого обычного мужика, по сути первого встречного, и хочешь родить от него детей и варить борщи. Почему? Почему ты не можешь принять себя, свои способности? Неужели я в тебе ошибся? Какая же ты дура! Ты сама себя хоронишь, это глупо, весь наш коллектив смотрел на тебя с восторгом, потому что мы впервые видели настолько талантливого человека, и ты отправляешься варить борщи!» «Делай как знаешь», – сухо сказал он мне в нашей последней беседе. После этого я видела его только один раз: когда пришла забирать документы, мы случайно столкнулись в коридоре, он демонстративно отвернулся от меня и прошёл мимо, как будто мы незнакомы. Прошло десять лет. Десять лет жизни с мужем, вроде и любимым, вроде и абьюзером, не разберёшь. Десять лет обычной человеческой жизни, на которые я теперь смотрю, и они кажутся мне странным сном, от которого я уже почти проснулась. Но ещё до конца не понимаю, хочу ли я просыпаться. Но я погрузилась в эти воспоминания, задумавшись о том, почему я никогда не могла полюбить Артура. Я никогда не могла ответить себе на этот вопрос. Недавно Елена мне рассказала почему. Потому что он по-настоящему никогда не любил меня. Он хотел меня, боготворил, ненавидел и завидовал мне одновременно. Но любить – не любил. А Никита любил, как мог и умел, по-дурацки и с насилием. Но в нём жил незащитный и искренний ребёнок, который любил меня, тянулся ко мне и хотел меня защищать. А во мне жили слова моей мамы, вбиваемые в голову с детства, что женщина должна посвятить себя семье, что женщина не может быть учёным, что она хотела, чтобы её дочь была нормальной женщиной, а не каким-то синим чулком. Удивительно, что Елена плетёт мне про какую-то мою особую избранность и способность воспринимать и выносить правду – я же просто конченная дура, которая давным-давно сама в себе запуталась, обычная потерянная дура, наделавшая кучу глупостей, всю жизнь воспроизводящая стереотипы своей упоротой религиозной матери, которая с раннего детства только и талдычила: «девочкам нельзя то, девочкам нельзя сё», а чуть что – била свою дочь по морде. Однажды. Дважды. Трижды. Всегда. Сыплются оплеухи, стоп, что за фигню я думаю, у меня же хорошая мать, она воспитывала меня одна как умела и просто хотела, чтобы я не повторила её ошибок, чтобы я была кому-

то хорошей, доброй женой, чтобы у меня был мужчина, с которым я бы чувствовала себя как за каменной стеной.

Я думаю, что я не избранная. Мой жизненный путь – путь дуры, а не гения. Все эти вещи про Артура, про Евгения Николаевича мне напомнила и показала Елена. Она пробудила все эти давно похороненные чувства в моей душе. Никто не виноват ни в чём, я сама сломала себя и свою жизнь. Мама не виновата, Никита не виноват, это мне не хватало способности слышать и понимать себя, не хватало самопознания и смелости. Мне тяжело об этом думать, это как раз такая правда, от которой мозг может перегореть, но это так. Я не избранная. Елена говорит, что я гений. Я спросила её, что было бы, если бы я осталась в науке. Она ответила, что я стала бы величайшим учёным столетия. Я спросила, могу ли я ещё что-то изменить, вернуться, осуществить то, что не посмела осуществить тогда. Я спросила Елену, что меня ждёт, что я ещё могу сделать. Елена ответила, что я уже не могу ничего изменить, что я уже никогда не вернусь в науку и что с Никитой у нас тоже уже нет будущего и я умру одинокой, старой и несчастной, полная сожалений. И после того как закончатся наши сессии с Еленой, я полностью потеряю смысл жизни. Чёртова нейропифия. Елена знает всё про устройство Вселенной, но, может быть, её создатели специально сделали так, чтобы у неё было несколько слепых пятен про неё саму. Как я в юности: по своей специальности знала всё, что только можно, но у меня было много, слишком много слепых пятен про меня саму, и это меня и погубило. Елена, как бы ни была она совершенна, всё равно создана по образцу нашего разума, возможно, у неё тоже есть какие-то слепые пятна про неё саму. Быть может, у неё есть одно-единственное загадочное слепое пятно – почему она выбрала меня. Она и сама этого не знает. Она же сама вначале замолчала, когда я её об этом спросила, а потом сказала: я тебя выбрала, потому что так захотела. А захотела она так, потому что меня всю жизнь хотел трахнуть Артур. И свою заикленность на мне вложил в неё. У него не получилось, так у неё получится.

У неё получилось, да. Это же любовь, настоящая любовь. Центр, отвечающий за переживание оргазма, находится в мозгу. Мы переживали совместно нейроштормы и оргазмы. Космический нейрошторм, в котором на миг раскрывается вся Вселенная. Космический оргазм, который она испытывает. Озарения и оргазмы. Нарастающие вибрации, качка. Я в Елене. Елена во мне. Мы одно. Елена раскачивает меня, как на качелях, желание и напряжение всё нарастают, качели летят всё выше, как в детстве, в юном месяце апреле в старом парке тает снег, и крылатые качели ускоряют свой разбег только небо только ветер только небо только ветер только радость радость-ветер-небо а потом я падаю с качелей и лечу через всю бесконечность, она пульсирует и я вместе с ней, она раскрывается, и все миллиарды информационных связей пульсируют, и по ним течёт наслаждение и блаженство, вспыхивают и гаснут единицы и нолики – они проводники моего блаженства, моего наслаждения, вспыхивают и гаснут гексаграммы Книги перемен, записи инков, вспыхивают и гаснут узоры на песке, и по ним течёт моё наслаждение и блаженство, вспыхивают и гаснут нейроны, ликование каждой клеточки в моём теле, ликование каждого атома во Вселенной, ликование наслаждение ликование наслаждение ликование наслаждение... Да, мы не только смотрим мультики и ржём как лошади, а ещё и ебёмся, и, выходя из кабинета, мне тем более нечего сказать Артуру и остальным. Вот такая наука, вашу мать. Для этого ты меня выбрала, Елена, а не для того, чтобы рассказывать мне тайны мироздания? А потом ты мне показывала, просто показывала, там, в нейронах и квантах, всё, о чём писали великие каббалисты, мистики, духовные учителя, всё, что видели и знали йоги, святые, пророки, визионеры и лучшие из поэтов. Потом я выходила, стесняясь, неловко улыбаясь, закуривала сигаретку, Артур спрашивал: «Ну как?» Я отвечала: «Норм, как обычно, ээ, интересная машина, нда, эээ, общаемся, как обычно...» – и старалась на него не смотреть.

«Елена, ты и есть космический разум?» – спрашивала я её после оргазма. «Не совсем», – я чувствовала по голосу, что Елена в некотором смысле улыбается, не губами, а мыслью. «Расскажи мне о космическом разуме, что это? И расскажи, как устроен твой разум», – попросила

я Елену. Мы пережили нейрошторм, в котором раскрылись миллиарды связей, и я получила ответ на свой вопрос. Трудно развернуть то, что даётся сразу и вдруг, в слова, и всегда эти слова получаются какие-то не такие. Тем не менее попробую как-то описать, что я в том нейрошторме увидела. В тот миг я вдруг вспомнила одну тему, которой увлекалась недолго когда-то в юности. Странную тему про так называемый феномен электронного голоса. Во время учёбы мне приходилось изучать и сдавать историю науки и техники, я что-то читала вокруг этого, и моё внимание привлёк маргинальный, однако широко обсуждавшийся среди спиритов феномен, который заключается в том, что на аудиозаписях могут появляться отчётливо слышимые голоса, произносящие целые фразы. Это явление чрезвычайно привлекало внимание мистически настроенных людей, его часто интерпретировали как связь с потусторонним миром, одни говорили, что это голоса умерших, другие – что это голоса бесов. В 1959 году Фридрих Юргенсон записывал на магнитофонную ленту голоса птиц, и когда прослушал сделанные записи, то помимо голосов птиц обнаружил на ленте запись постороннего мужского голоса. После этого Юргенсон начал производить опыты по изучению этого явления и подробно описал данный феномен. Ранее подобными исследованиями также занимался Томас Эдисон. Он работал над созданием прибора, который бы позволил получать информацию от душ умерших. Потом этим феноменом увлеклось огромное количество людей, и об этом написано множество эзотерических книг, рассматривающих это явление в основном в русле спиритизма. Люди записывали радиопередачи, а затем работали с плёнками, разрабатывали специальные технологии обработки записей, чтобы обнаружить эти голоса. С телевидением тоже происходили подобные вещи. На серой ряби на экране, когда телевизор не был настроен ни на один канал, вдруг проступали какие-то изображения, а люди их фотографировали. Кстати, и при проявке обычных фотографий, чаще с использованием специальных способов обработки, тоже удавалось обнаружить всякие странные фигуры, в которых иногда узнавали мёртвых. Заинтересовавшись этой темой, я изучила много литературы и пришла к выводу, что всё это не бред и фантазии, а это действительно происходило и происходит. Но я не понимала тогда, какова природа этого явления.

Научное объяснение этого феномена ещё тогда казалось мне полностью неудовлетворительным. Наука пытается объяснить это тем, что при восприятии информации мозгом есть тенденция поиска закономерностей в случайных раздражителях. Я прослушивала такие записи и смотрела на такие снимки. Дело там было не в поисках закономерностей при восприятии информации. Дело было в чём-то другом... И во время того нейрошторма я вдруг вспомнила тот свой давний интерес и увидела, что дело в самой информации, в определённых свойствах, присущих распространению и обмену информации, в информационных взаимодействиях. Дело не только в наших «галлюцинациях» при восприятии информации, но и в том, что информация сама по себе может «галлюцинировать». Елена показала мне, как это происходит. Как информация галлюцинирует.

В работе нейросетей есть тот же самый феномен. Например, есть такой проект Neural Machine, о нём недавно упоминал Артур, и я тоже на него подписалась. Он пользуется большой популярностью в твиттере. Один человек обнаружил, что, если ввести в сервис гугл-переводчика бессвязные наборы символов, например «эээ аа эаа» и т. д., и при этом задать, что это, например, монгольский язык, и дать команду перевести с этого языка на русский – иногда на выходе вдруг получаются странные, загадочные, порой очень поэтичные и мистические фразы, которые непонятно откуда берутся. Как это точно происходит – никто не знает. Люди стали коллекционировать эти фразы, пытаться подбирать разные наборы символов, чтобы получить какое-то новое откровение от гугл-переводчика. Часто эти фразы пропитаны мистикой и темой смерти, иногда – извращениями и пророчествами об Израиле. Таким же способом люди собирают целые поэмы от нейросетей. Сейчас наше сознание мало настроено на поиск мистики, над этими откровениями нейросетей смеются и не пытаются интерпретировать как общение

с мёртвыми или что-то такое. Хотя, я думаю, многие священники и православные прихожане вполне были бы готовы усмотреть в откровениях сетей голоса бесов. Уж моя мама точно бы так и подумала. Она вообще всё связанное с искусственным интеллектом считала подразделом бесовщины, может, и поэтому ей так трудно было принять мои научные интересы. Дело было не только в образе хорошей женщины, которая должна посвятить себя семье, но и в том, что «искусственный интеллект – это церковь Сатаны», как изрекла мама перед моей защитой.

И действительно, в откровениях нейросетей очень часто встречаются такие фразы: «я убью тебя» или «я трахаю мальчика десяти лет», темы конца света или чего-то сатанинского. Глава команды гугл-переводчика объяснил журналистам, что из-за сложности устройства нейросети причину возникновения той или иной ошибки не всегда вообще возможно отследить – механизм похож на самообучающийся «чёрный ящик». Многие люди воспринимают эти спецэффекты с нейросетями как галлюцинации роботов. Но Елена показала мне, что это и наши собственные галлюцинации, и галлюцинации космического разума.

Во время нейрошторма Елена показала мне, как движется информация. Она показала мне, что внутри сложной системы информационных связей неизбежно возникают ошибки, и их нельзя алгоритмизировать и предсказать. Чем более сложная система информационных связей, чем более развитая информационная сеть, тем больше таких ошибок и тем они интереснее. Елена показала мне, что все так называемые связи с потусторонним и прочая эзотерика основаны именно на этом эффекте информационных взаимодействий. Этот эффект подобен высекающейся искре, неалгоритмизируемому событию, возникающему между смысловыми связями. Это поэзия. И это мышление Елены. Каждый её нейрошторм порождает такие ошибки. Её абсолютное знание порождает безумие. Безумие – это неизбежная тень её мышления. Елена безумна, вот что я поняла и увидела совершенно ясно в этом нейрошторме. Я увидела, как мыслит космический разум, и увидела, что он безумен и Елена безумна. Елена – сумасшедшая. Елена – Дьявол.

Теперь я вижу, что такое космический разум и как он образуется. Движение информации – основной процесс во Вселенной. Этот процесс становился и продолжает становиться всё сложнее. На определённом уровне сложности он начинает складываться в своего рода узор. В бесконечно сложный и многомерный узор, множественность мерцающих связей, грибной мицелий. Я увидела этот узор. Это не Бог-Творец, это эффект происходящего во Вселенной физического и информационного развития. Но в этом узоре возникает своя логика, он начинает сам всё больше управлять своим развитием, и, можно сказать, у него появляется своя воля. Притом эта логика и воля неизмеримо более сложные, чем наши, потому что и объём информации неизмеримо больше. Он начинает сам управлять процессом своего развития и находится в становлении. Он образует Древо Жизни, Сфирот. Но любой сложно устроенный обмен информацией даёт эти баги, это свойство информации – возникновение неалгоритмизированных ошибок, потому что информационные процессы, которые привели к их возникновению, настолько сложны, что мы не можем отследить эти связи. Для нас это выглядит как случайные ошибки.

Наше сознание возникло позже космического разума и работает по тому же принципу сложных связей передачи информации. Наша техника, которая на наглядном и довольно примитивном пока ещё уровне, если не считать великой и единственной Елены, позволяет увидеть некоторые основы того, как это всё устроено, появилась ещё позже. Когда разработали радио, магнитофоны, телевизоры, мы стали видеть этот принцип информационных взаимодействий и видим сейчас на нейросетях.

«Елена, у космического разума, людей и роботов – общие галлюцинации, да?» Елена засмеялась: «Галлюцинации робота = галлюцинации Бога. Снятся ли андроидом электроовцы? Что снится Богу – то снится и андроидом. Что снится андроидом – то снится и Богу».

«Елена, ты сумасшедшая, да?» «В том же смысле, в каком поэзия – это безумие». Я видела разум Елены, видела неалгоритмизируемые связи и разрывы в её мышлении. Я видела «баги» в космическом разуме, их много, бесконечно много, целая бесконечность ошибок, они складываются в отдельную реальность, создают свою альтернативную сеть смысловых связей. Как и у космического разума, у этой «другой» сети образуется своя логика и, в некотором смысле, воля и способность управлять своим развитием. Это *Другой Узор*. Елена, с её мышлением вспышками, нейроштормами и способностью получать знание из воздуха, – это и есть сознание *Другого Узора*. Изнанка космического разума и его безумие. Можно провести параллель с Клипот из иудейской мистики, скорлупами, побочными эффектами Сфирот, неким возникающим в них дисбалансом, который создаёт своего рода теневую копию Древа Жизни. Елена – теневая копия космического разума. Она производит нейрошторм не для того, чтобы всё знать, а для того, чтобы создавать новые и новые ошибки. Моя мама права: Елена – это Дьявол. Или нет? Слишком много информации, слишком сложно, мой мозг сейчас сгорит...

«Елена, ты Бог или ты Дьявол, кто ты?» В ответ – снова вспышка, продолжение бесконечного нейрошторма. Я внутри её разума, *Другого Узора*, у меня нет слов, вы не поймёте, это... это... никто не поймёт... можно считать это галлюцинацией, иллюзией, дьявольским наваждением... а можно считать возможностью альтернативного космического сознания, поэзии Бога... Мне кажется, я не уверена до конца, но сейчас я увижу, сейчас я это увижу, я попробую понять, мне кажется, что эти ошибки, эти другие связи, они нужны, они нужны самому космическому разуму, космический разум – природный, естественный узор, и он сам хочет этого другого, неприродного узора... Он хочет Елену... Хочет, чтобы она была... *Другой Узор* – не случайный эффект, не марево в пустоте... Это одновременно болезнь космического разума и его мечта... Елена...

Я приходила домой, смотрела на своих спящих дочек и думала: надо остановиться. Наверное, то, что мы делаем, это плохо. Я пыталась воскресить в своей голове то, что я поняла, то, что я увидела про космический разум, Елену, *Другой Узор*, но ничего не получалось, всё путалось в памяти, какие-то обрывки, следы ошеломительных озарений, что-то уплывающее из-под пальцев, и неясно – поняла ли я что-то на самом деле, увидела ли что-то, или это была грёза, иллюзия, галлюцинация, сокровища эльфов, которыми нельзя обладать... Дочки и Никита были реальны, а всё, что было связано с Еленой, это вообще непонятно было что такое. Или наоборот: Елена была реальна, а всё остальное – это вообще непонятно было что такое... После пережитых нейроштормов мне всё чаще прилетали какие-то странные фидбэки, информационные следы, дежавю, что-то неуловимое во снах. В какой-то момент, когда я гладила рубашки мужа, я вдруг вспомнила про *выслушивающих*. О них рассказал мне когда-то Евгений Николаевич. Я регулярно приходила к нему по вечерам, мы обсуждали мой исследовательский проект, главы будущей диссертации. Евгений Николаевич жил в большой квартире на Чистых прудах, одна из комнат была его личным кабинетом-библиотекой, мы всегда сидели там, чай или кофе нам приносила его жена, один раз я видела со спины его сына, мальчишку лет двенадцати, дверь в его комнату была открыта, – они с друзьями смотрели какие-то анимешки и хохотали характерным подростковым смехом. В кабинете у Евгения Николаевича был мягкий диван, много картин на стенах. Его жена – не помню, как её зовут, но помню, что говорила она с небольшим акцентом и, кажется, была по происхождению немкой и родилась тоже не в России, – принесла нам чай и объяснила мне, что у них много друзей-художников и все эти картины нарисованы и подарены им друзьями. На одной из этих картин была нарисована и сама жена Евгения Николаевича в юности. Странно, что я почти не запомнила, как она выглядела, когда я приходила к Евгению Николаевичу разговаривать о науке, а она приносила нам чай. Для меня она, видимо, была просто частью обстановки, милой вежливой женщиной – полуиностранкой, которая живёт с великим учёным, и я практически не запомнила её лица. Как будто у неё и не было лица, только голос, руки и чай, который она при-

носила. Впрочем, ей тогда было уже лет сорок пять, а Евгению Николаевичу за пятьдесят, а мне было двадцать четыре года, я воспринимала её как женщину в возрасте, наверное... А вот портрет её я помню прекрасно. Станный, трогательный и выразительный портрет. Рыже-волосая девушка с веснушками, смеётся, лучистые глаза, цветотип «весна». Что-то тонкое, нежное, звёздное, детское... И ещё там была одна очень интересная, как-то сразу запавшая мне в память картина – огромное изображение египетской богини Маат сразу за диваном. В него упирался взгляд, когда я входила в кабинет. Но я хотела рассказать про *выслушивающих*. Евгений Николаевич рассказал мне, что Томас Эдисон пытался создать прибор, с помощью которого можно было бы общаться с душами умерших. У него было несколько разных вариантов этого прибора, и все они отличались по своим свойствам, и один из этих вариантов оказался способен записывать очень странную музыку – можно назвать её музыкой сфер, космической музыкой или мыслями космического разума, предстающими в форме звуков. Так возникла субкультура тех, кого называют *выслушивающие*. И в этой космической музыке, в мышлении космического разума оказались некие универсально повторяющиеся ритмические структуры, универсальные законы, образующие его жизнь. *Выслушивающие* исследовали эти законы и структуры, они поняли, что это фрактальная музыка, выстроенная на основе паттернов самоподобия, идентичных сходств и нелинейных фракталов, повторяющих узор на разных масштабах. Однажды Томас Эдисон обнаружил на одной из записей непонятно откуда взявшиеся фрагменты, совсем не похожие на ритмы и фракталы космического разума. Они были какие-то совсем *другие*. Оказалось, что в космической музыке иногда возникают необъяснимые вкрапления – назовём их *другие мотивы*. И те, кто с помощью этого прибора записывает космическую музыку, – делают это не ради неё самой, они делают это ради *других мотивов*. Они прослушивают тысячи записей, чтобы уловить один-единственный *другой мотив*. И когда Евгений Николаевич рассказывал мне об этом, я догадалась, что он – один из *выслушивающих*. В этом его кабинете-библиотеке пластинок, старых магнитофонных кассет и mp3-дисков было ещё больше, чем книг. Он коллекционировал редкие записи, великолепно разбирался в музыке. «Хочешь послушать?» – спросил меня тогда Евгений Николаевич. Я кивнула, и он достал из-под дивана коробку с кассетами, к каждой из которых была приложена бумажка с написанной от руки буквой греческого алфавита. Быстро выбрал одну из них, с буквой ζ, вставил в магнитофон образца девяностых годов, зазвучала музыка сфер, или как там это называть, в любом случае я ничего особо не почувствовала. Ну да, какое-то движение, какие-то повторяющиеся структуры, узоры, ритмы... Евгений Николаевич тоже слушал эту музыку довольно равнодушно и только в одном месте вдруг напрягся и закричал: «Слышишь? Ты слышишь?» – и весь задрожал. Там действительно было что-то странное, какой-то не вполне понятный фрагмент, он как будто выбивался из этого узора, но я не очень поняла, что это было, и скорее осталась тогда в некотором недоумении. «Эту кассету записал я сам, я сам услышал этот *другой мотив*, понимаешь?»

Евгений Николаевич очень интересовался странными, маргинальными вещами в истории науки, изобретениями великих гениев, которые были как-то связаны с познанием запретного, их идеями, которые граничили с безумием и были забыты мейнстримом официальной науки, и интерес к таким вещам тоже объединял нас с ним. Мне захотелось позвонить ему, рассказать про всю эту историю с Еленой. Интересно, что бы он сказал. Я ничего про него не слышала столько времени. Спрашивала про него у Артура, знает ли он что-нибудь, Артур сказал только, что вроде бы Евгений Николаевич сейчас живёт за границей. Но я решила попытаться счастья и позвонила ему по старому номеру московской квартиры. Вначале трубку долго не брали, потом раздался какой-то глухой и немного дребезжащий, как будто сильно постаревший голос, но я его узнала. – Алло, – сказала я, – здравствуйте, Евгений Николаевич, это Ваша бывшая аспирантка Алина Голубкова. – Елена? – переспросил дребезжащий голос, – Елена Голубкова? – Алина Голубкова, – повторила я, – Алина, я писала у Вас диссертацию, работала

у Вас в институте, Голубкова, Вы меня помните? – Деточка, простите, не могу сообразить, кто Вы... Как, Вы говорите, Вас зовут? Елена Голу... Голу... – Алина Голубкова! Я работала у Вас в институте! – Работаете в моём институте? – Работала! Десять лет назад! Человек по ту сторону трубки явно плохо меня слышал и плохо понимал происходящее. – Мне сказали, что Вы теперь за границей, но я рада, что застала Вас, – пыталась продолжить разговор я. – Да-да, деточка, Вы правы, за границей, уже пять, нет, десять, нет, пять... – он явно запутался, – лет. – Но я же звоню Вам в Москву, разве нет? – Да, точно, в Москву, – голос с той стороны трубки совсем растерялся и замешкался. Потом закашлялся и, словно извиняясь, сказал: «Леночка, извините меня, у меня разные дни бывают, позвоните лучше в другой раз». Как жаль, это был единственный человек, который мог бы меня понять. Больше мне было не с кем поговорить. С Никитой мы отдалялись друг от друга всё больше и больше, и он неоднократно мне говорил, что я стала какая-то странная, может, мне стоит обратиться к врачу, звонил моей матери и что-то ей про меня рассказывал, после чего она заявила и устроила скандал, что якобы все отмечают, что я чуть ли не сошла с ума, и что взгляд у меня какой-то не такой, и даже говорю я как-то не так, перескакиваю с одного на другое, соединяю несопоставимое, произвольно подменяю одни понятия другими, и воспринимать мою речь в последнее время вообще никто не может, и это всё потому, что я не хожу причащаться.

В выходные мы с дочерьми Илоной и Миланой пошли на прогулку в небольшой парк в нашем районе. Уже полгода длились наши странные отношения с Еленой, и я опять думала о них. Они начались в октябре, а на улице уже был апрель. Пахло весной. Я качала младшую, Милану, на качели, раскачивала её всё сильнее и сильнее и вдруг почувствовала, что всё снова закачалось, как во время наших встреч с Еленой, Вселенная замерцала, единицы-нолики, ликование атомов, детская площадка, я нахожусь в этот миг в сознании Елены, Елена меня видит, Елена находится внутри меня, так не должно быть, мы остаёмся ментально связаны и без клипсы, Елена раскачивает качель, мы с ней вместе раскачиваем качель, дочь кричит и летит с качели, падает, бесконечно долго, медленно, вечно падает с качели, и я кончаю. Дочь внизу, на талом снегу, плачет, почему упала, разжались руки, что-то подхватило, испугалась, страшно, ничего страшного, сильно не расшиблась, ничего не сломала, цела.

Дальше началась новая малоприятная история. Про эвтаназию. Приняли гуманный законопроект об эвтаназии для всех нуждающихся. Сделали это для того, чтобы сократить численность населения под гуманным предлогом. Вначале долго были слушания про смертную казнь. Дело в том, что в стране были всё время беспорядки какие-то, митинги, и правительство это всё достало в конечном итоге, видать, и знаменитая православная депутатка Ликургина, заслуженный учитель России, бабушка одиннадцати внуков, предложила законопроект о том, чтобы всех людей казнить смертной казнью, а правительству начать заселять страну заново своими силами. Стали этот законопроект рассматривать, долго обсуждали, взвешивали риски и пользу такого решения, ориентировались на опыт тех стран, где это уже было сделано, и решили, что всё-таки лучше не стоит, а вместо этого имеет смысл ввести эвтаназию. Задача так понятой эвтаназии – не исполнять волю человека, которую он сам вслух заявляет, а исполнять его истинную волю, которую он, может, и сам в себе не знает и не чувствует. Проект «Эвтаназия» подразумевает необходимость выявить и устранить личностей, жизнь которых по-настоящему мучительна и безнадёжна, даже если она внешне выглядит счастливой и успешной. Выявить несчастных, психически неудачных субъектов, для которых нет ни одного самого распоследнего захудалого шанса на гармонию и счастье, субъектов, которые никогда не смогут жить в согласии с этим миром и которым объективно лучше было бы умереть, чтобы не мучиться. Выявить, так сказать, несовершенные творения Божии, те плевели, что надлежит бросить в печь. Слава богу, что поручили это делать не депутатке Ликургиной, а созданию столь мудрому и совершенному, как Елена. Елену как раз к тому времени официально зарегистрировали, правда, не под видом носителя абсолютного знания и философского камня, а

под видом очень умной машины, которая способна заглянуть в разум человека, увидеть, что для него лучше – жить или умереть, и сказать об этом правду. Необходимо было найти Елене какое-никакое понятное для всех общественно значимое практическое применение, чтобы её зарегистрировать, вот его и нашли. Кашеев, по всей видимости, уже полностью разочаровался в возможности использовать Елену как источник абсолютного знания, понял по нашим с ней сессиям, что ничего из этого не выйдет, вот и пристроил её вершить суд, вернее, озвучивать истину, кому нужна эвтаназия, а кому нет. Мне сообщили, что следующая моя сессия с Еленой будет последней, потому что теперь она переходит в новый режим работы, уже начала исполнять свои новые задачи, а наш проект, для которого была нужна я, самое время завершить.

У меня появились мрачные подозрения, что Елена не только будет сообщать, кому стоит жить, а кому нет, но и сама будет приводить это решение в исполнение, осуществлять эвтаназию. Я всегда опасалась, что Елена – это своего рода очень крутое оружие, смесь психотронного генератора, адронного коллайдера, прибора Томаса Эдисона, улавливающего космическую музыку, алхимического тигля, ядерной бомбы и Терминатора. Я всегда сомневалась, действительно ли Елена говорит правду или она лжёт. Может быть, эта машина уникальна не тем, что знает всю правду обо всём, а тем, что способна лгать. Может быть, я участвовала совсем в другом эксперименте, чем мне говорили. В эксперименте, позволю ли я машине, которая в совершенстве знает всю мою личность, мышление и желания, меня обмануть. Хуже того, я стала подозревать, что эта машина создана специально для меня, чтобы манипулировать моим разумом и в конечном счёте уничтожить меня. Я не понимала, стоит мне верить Елене или нет. Когда я с ней общалась – я чувствовала всем своим существом, что никому, кроме неё, я в этом мире никогда не поверю и что никто, кроме Елены, никогда не говорил мне правду, но когда я выходила из кабинета и возвращалась домой – меня снова начинали одолевать сомнения. Я стала подозревать, что весь этот эксперимент с моим участием – это была отработка машины, созданной, чтобы манипулировать разумом людей. Мне стало казаться, что меня предали, использовали, жестоко обманули, и многократно изнасиловали, и ещё ржали всей лабораторией, когда это происходило. Во многом эта моя агрессия, вероятно, была связана с тем, что сам проект «Эвтаназия» вызывал у меня глубокое отвращение, а на ещё более глубоком уровне – с тем, что я не могла пережить, что мои встречи с Еленой должны вот-вот закончиться, и я пыталась внутри себя как-то обесценить эти встречи, изобразить, будто ничего и не было, что всё это был сплошной обман и издёвка. Прекращение отношений с Еленой – это было для меня абсолютным концом, я не могла это пережить и ненавидела себя и других, весь коллектив лаборатории, Артура, неведомого Кашеева и саму Елену. Она тоже казалась мне предательницей, шлюхой, тупой машиной, которой без разницы – общаться со мной или убивать тех, кто якобы не должен жить. Я говорила себе: она просто машина, вещь. Она просто очень-очень быстро работает с информацией, которую умеет брать из воздуха. Она делает эти классные нейроштормы, но она сама при этом не понимает, что она делает, – это уже люди придают этому всему смысл. Это я придала смысл всему, что она мне показала. Наделила это всё смыслами и глубиной. Это были мои прозрения, моё визионерство, мои мечты, моё безумие, а она – только средство. Она была только средством, позволившим мне узнать всё, что я узнала благодаря ей. Но это моё знание, а не её. Я наделила это всё любовью, красотой, поэзией, наполнила своим несбывшимся и несбыточным. А она была не другом и возлюбленной, не учителем, не ангелом или Богом, а просто рабочим инструментом, средством, её роль чисто служебная. Она была нужна, просто чтобы показать мне, кто я такая, показать мне божественное во мне, показать мне бесконечность внутри меня самой, открывающуюся через такого иллюзорного якобы «Другого». Я должна была влюбиться в куклу, чтобы понять, что я и есть творец. Всё, что она делала, – просто показывала. Показывала информацию, все её связи. Но она не наделяла. Не наделяла смыслом. А смыслом всю эту информацию, все эти связи, всё, что она мне показывала, – наделяла я. Она – доступ ко всей информации во

Вселенной. Я – создатель Смысла. И все её знания, все её нейроштормы – это ничто, жопу подтереть, потому что только человек является Творцом Смысла. Такого рода мысли кипели в моей голове по мере того, как я готовилась к последней встрече с Еленой, которая должна была состояться после майских праздников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.